

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР
НЕГАТИВ. АТТЕСТАЦИЯ
НЕГАТИВ. ЭСКАЛАЦИЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»
**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

В соавторстве

с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Часть первая

ПРОВОКАЦИЯ

ГЛАВА 1

Дождаться первого февраля я не стал и, последовав совету Георгия Ивановича, позвонил на курсы контрольно-ревизионного дивизиона заранее. В итоге пришлось распрощаться с идеей поваляться с книжкой на койке и ехать в учебный центр ОНКОР, располагавшийся на северо-восточной окраине Новинска. Со стороны города его территория примыкала к промзоне, с противоположной тянулся обнесенный колючей проволокой полигон. Там порывкивали танковые двигатели, трещали пулеметные очереди и время от времени гроыхали взрывы.

На плацу отрабатывали строевой шаг пехотинцы, а на стенде сразу за пропускным пунктом обнаружилась карта с отметками основных учебных корпусов. Курсы контрольно-ревизионного дивизиона проходили в неприметном двухэтажном здании на каких-то совсем уж глухих задворках, пришлось изрядно поплутать, прежде чем вывернул к его крыльцу.

Дежуривший на проходной сержант сверился со списком посетителей, после велел подниматься в двенадцатый кабинет. На двери того красовалась табличка «Ноготок Д. Г., заведующий».

Подтянутый господин в штатском, представившийся Денисом Гавриловичем, в пять минут оформил все необходимые документы и выдал стопку потрепанных брошюр.

— Ничего секретного тут нет, но все же исключи доступ к учебным материалам посторонних, — предупредил он, постукав пальцем по отметке «ДСП» на обложке верхней из книжиц. — Подготовку по рукопашному и ножевому бою будешь проходить на базе комендатуры, стрелковую — у нас. Само-

стоятельным изучением пособий не пренебрегай, график обучения плотный, на одни только занятия уповать не стоит.

— Понял, — кивнул я. — А насчет подготовки в комендатуре к кому обратиться?

— Спроси куратора, он подскажет, — заявил Денис Гаврилович, очевидно имея в виду капитана Городца. — Сюда приходи второго числа к половине третьего, и чтоб без опозданий!

На этом наше общение подошло к концу, и я получил возможность воплотить в жизнь свое намерение поваляться с книжкой на кровати. Только не следил за детективной интригой или ходом пиратских сражений, а пытался вникнуть в области знания, предельно далекие от меня до сегодняшнего дня.

Принципы организации наружного наблюдения, способы выявления слежки и варианты ухода от нее, ведение допросов и основы вербовки, организация законспирированных ячеек, тайников и явочных квартир, использование шифровальных блокнотов и прочих средств тайной связи, порядок ведения обысков — официальных и негласных, мотивация сексотов и прочая, прочая, прочая. Вишенкой на торте стал разговорник айлского, оксонского, срединского, нихонского и диалекта северных провинций Джунго. Содержавшийся в них словарный запас не мог похвастаться разнообразием, но способностью к языкам я сроду не отличался и вовсе не был уверен, что сумею понять хоть что-нибудь из ответов на свои вопросы о полученном задании, местных пособиях и расположении военной части.

Еще и прятать от Василя все это добро приходилось, иначе мое увлечение столь странной литературой повлекло бы за собой совершенно ненужные расспросы и подозрения.

В среду впервые выбрался на занятия в институт. Накупил тетрадей и заранее заточил сразу три карандаша, а уже перед выходом сообразил, что их попросту не в чем нести. Пришлось брать вещевой мешок, что вид мне придало откровенно нелепый.

Но деваться было некуда — подвел карманные часы по сигналам точного времени и выдвинулся к психиатрической клинике, где условился встретиться со Львом. А там оказался изрядно фраппирован тем обстоятельством, что мой бывший одноклассник отправился в институт не своим ходом и даже не

на извозчике, а на персональном автомобиле. И не какой-нибудь малолитражке, вовсе нет! Рядом со мной притормозил длинный седан! Место водителя было отделено от пассажирских сидений шторкой, а самих сидений оказалось два: одно напротив другого.

Лев с упертой в пол тросточкой восседал на заднем, глаза его закрывали круглые непроницаемо-черные очки слепца. Я так удивился, что даже не сразу заметил расположившуюся напротив моего товарища барышню — строгую, спортивную и вполне симпатичную, но не более того. На вид ей было года двадцать два.

— Падай, Петя! — Лев хлопком по сиденью пригласил меня присоединиться и представил спутницу: — Это Милена.

Я уселся рядом с товарищем, захлопнул дверцу и уточнил:

— А Милена у нас...

— Ну... — Лев выпятил губы. — Сиделка-секретарь, наверное. Опекун. Нянька. Черт, я думал, ты первым делом об очках спросишь!

Я только фыркнул.

— Да мне бы с мыслями собраться! И да — очки тебе зачем?

Автомобиль тронулся с места, покатил очень плавно и мягко, тогда Лев слегка расслабился, откинулся на спинку и сказал:

— Для начала решили свести к минимуму все отвлекающие факторы. Если стану ориентироваться исключительно на сверхъестественное чутье, будет меньше шансов, что упустил его из-под контроля.

— Ну ты вообще! — только и протянул я. — Какие предметы хоть выбрал?

Мы сверили наши сегодняшние расписания и обнаружили, что совпадает только первая пара общей теории сверхэнергии. Да, собственно, никаких других занятий Лев на этой неделе посещать больше и не собирался.

— Посмотрим, как пойдет, — вздохнул он и нервно стиснул тросточку.

Оставалось лишь посочувствовать товарищу. И сам потерялся, когда первый раз в институт зашел, а у меня лишь урезанный эрзац ясновидения, не полноценный дар. Как бы у

Льва мозги не закипели от перенапряжения. Сверхэнергетических помех там — мама не горюй!

Еще было интересно, как далеко распространяется влияние покровителей моего бывшего одноклассника. Всерьез ожидал, что автомобиль проедет на территорию студгородка через служебные ворота, но нет — водитель обогнул сквер с фонтаном у центрального входа и подрулил к мраморному крыльцу, помпезному и украшенному барельефами и статуями.

Спешившие на занятия студенты принялись замедлять шаг, а уж когда первой выбравшаяся наружу Милена придержала дверцу для Льва, стали оборачиваться даже те, кто проигнорировал появление автомобиля. Я покинул салон, поглядел по сторонам и проклял все на свете за опрометчивое решение надеть плащ и прихватить вещмешок. Деревенщина деревенщиной, право слово!

Лев растерянности никак не выказал, позволил Милене взять себя под руку и двинулся к ступеням, постукивая тросточкой по брусчатке. Я отправился следом, чувствуя себя откровенно не в своей тарелке.

— Увидимся на паре, — шепнул товарищу и, предъявив на входе карточку вольного слушателя, свернул в служебный коридор.

Рядом невесть откуда возник средних лет господин в неброском костюме-тройке и с красной повязкой на рукаве.

— Молодой человек, стойте!

Я развернулся, раскрыл удостоверение ОНКОР и сказал:

— Сегодня с трех до семи у вас дежурю. Можно вещи закинуть, чтоб с собой не таскать? Там ничего ценного нет.

Вахтер наморщил лоб.

— Линь... Линь... Линь... — забормотал он, потом прищелкнул пальцами. — Да, точно! Тебя на служебный вход поставили, туда иди.

— Туда — это куда?

— Прямо по коридору. Никуда не сворачивай и не промахнешься.

Я поблагодарил вахтера, пошел в указанном направлении и действительно — не промахнулся, хоть под конец и начал подозревать, что забрел куда-то не туда, очень уж протяженным оказался коридор.

Привел он меня в вестибюль с лифтами, и тут было далеко не столь многолюдно, как на центральном входе, да и публика показалась старше основной массы студентов; надо понимать, через эту проходную в институт попадали исключительно преподаватели, аспиранты и лаборанты. Дежурили там два сонных вахтера, и зачастую они даже не просили предъявлять удостоверения — с кем-то раскланивались, с кем-то здоровались. Оба были операторами.

Тут же на лавочке обнаружился Михей, он подошел поздороваться, заодно представил меня, и вахтеры не прогнали вшащей, только предупредили, что работать буду с их сменщиками, а после старший в паре проводил до караульного помещения и отпер дверь.

— Поживей давай, самый час пик начинается! — сказал он, запуская меня внутрь.

Убрать плащ и кепку на вешалку, вытянуть из мешка тетради и карандаши, а после сунуть его под диван много времени не заняло. Дальше я заскочил в уборную и погляделся в зеркало, привел в порядок прическу, шумно вздохнул, пытаюсь унять совершенно иррациональную дрожь.

Ну вот чего волнуюсь, а? Имею право тут находиться, не в частном клубе — на улице не выставят. И студенты от учащегося энергетического училища ничем, кроме витка инициации, не отличаются. Тут, если разобраться, интеллектуалов не сильно больше, и я их почти всех уже знаю, пиетета никакого не испытываю, а некоторым так и вовсе с превеликим удовольствием нос бы сломал.

Ну так чего ж меня морозит всего?!

Кое-как подавил нервную дрожь, отправился на поиски нужной аудитории. Пока плутал по коридорам, не забывал поглядывать по сторонам и в итоге решил, что отличаюсь от студентов разве что отсутствием значка с символикой института, номером разряда или витка и румба инициации. Впрочем, таковые были далеко не у всех, попадались молодые люди и без них, о барышнях и не говорю. Так что — я как все. Голова, две руки, две ноги, туловище. Костюм получше, чем у многих, туфли так и вовсе отличные. Разве что папки какой-нибудь остро не хватает; иду, как дурак, с тетрадями в руках.

Еще подметил, что многие студенты клевали носом на подоконниках и скамейках, будто подъем к первой паре стал нешуточным испытанием для их не очень-то и спортивных организаций. А мне нормально — по общей побудке в шесть утра как огурчик встал.

Иногда в коридорах встречались что-то оживленно обсуждавшие компании, через них не проталкивался, предпочитая обходить. Все время ждал встречи с кем-нибудь из знакомых, но так никого и не встретил. Оно и немудрено: такая прорва народу учиться!

Двери нужной аудитории стояли открытыми нараспашку, они вели на верхний ярус, а по проходу между рядами парт вниз уходила лестница; у дальней стены располагались кафедра лектора и доска. Занято оказалось не больше четверти мест, но гул в помещении стоял такой, будто то было забито под завязку. Впрочем, болтали далеко не все. Несколько человек затеяли игру в карты, а кто-то кемарил, подложив под голову руки.

Лично я предпочел бы расположиться поближе к выходу, тем более что приметил там Мишу Поповича, но Лев — или же его спутница? — выбрал первый ряд, пришлось спускаться и садиться рядом.

— Когда с Палинским знакомиться пойдешь? — спросил я товарища, понизив голос.

— После лекции. На завтра уже практические занятия назначены.

Этим наше общение и ограничилось, поскольку появился лектор и все мигом заткнулись и встали за партами, игральные карты исчезли в мгновение ока, и даже сони подскочили как по сигналу будильника.

Преподаватель — представительный и солидный, с явственно наметившимся животиком и аккуратной бородкой, — поприветствовал всех и разрешил садиться, потом начал читать вступительную лекцию. Та особого впечатления не произвела, но вот после короткой перемены речь зашла о действительно интересных вещах. Интересных и сложных. Конспектировал я, не переставая, не затачивал карандаши, просто менял их по мере стирания грифеля на новые. В отличие от меня, Лев лишь слушал, записи за него делала Милена.

Позавидовал даже ему под конец. Сроду писать столько не приходилось, да и чем дальше, тем сильнее в голове нарастало давление. Все из-за того, что, по своему обыкновению, набрал потенциал во время резонанса. Решил, будто в достаточной степени освоил технику заземления, и сначала, пока бегал по институту, действительно никаких неприятных ощущений не испытывал, но вот на лекции буквально физически ощущать стал, как сверхэнергия в противофазе стремится просочиться наружу, притягиваемая потенциалами других операторов. Ни на миг самоконтроль ослабить не мог.

Когда прозвенел звонок и сошедшего с кафедры лектора окружили три барышни и двое молодых людей, я с облегчением перевел дух, а потом шепнул сидевшему прямо-прямо, буд-то шпагу проглотил, приятелю:

— Ты, часом, не уснул?

Тот улыбнулся уголком рта.

— У меня сейчас голова лопнет, — сознался Лев, поднялся и покачнулся, едва устоял на ногах, всерьез оперся на тросточку, предназначенную совсем для другого.

Следующая пара должна была начаться только через пятнадцать минут, и я предложил:

— Давай провожу.

— Да вот еще!

— Все равно заняться нечем.

Милена взяла Льва под руку и направила его к лестнице, но у меня возникло впечатление, что в этом не было ровным счетом никакой нужды. Понятия не имею как, только мой товарищ чем дальше, тем лучше ориентировался в пространстве, несмотря даже на непрозрачные стекла очков. Но вот в заполненном студентами коридоре он все же потерялся, там целиком и полностью положился на Милену. Мы подошли к лифту, и какой-то торопыга с удивительной непосредственностью вознамерился влезть перед нами без очереди, еще и походя оттер Льва плечом.

Среагировал я совершенно машинально. Вклинился между товарищем и навалившимся на него нахалом, поставил свой полуботинок вплотную с лакированной туфлей студента и легонько двинул оппонента плечом. За счет выигрышного положения в чрезмерных усилиях не возникло нужды, и отнюдь не

самого хлипкого сложения парень с неприятно-бугристым лицом не удержал равновесия и оказался прижат к стене.

— Прощу прощения, — улыбнулся я и на миг задержался, дав возможность пройти в кабину Льву, а после шагнул следом сам.

Лифтер закрыл дверцы перед носом обескураженного крепыша, и тогда Милена негромко сказала мне:

— В этом не было нужды.

Я лишь пожал плечами, не став доказывать собственную правоту. Было бы перед кем распинаться! Опять же, не время и не место.

На кафедре феномена резонанса я надолго не задержался, лишь показался на глаза профессору Палинскому и сразу отклонялся, поспешив на следующее занятие. Второй парой стояли основы криминалистики. Читали ее в аудитории существенно меньших размеров, а среди студентов совсем не оказалось представительниц слабого пола. Худой будто щепка преподаватель беспрестанно курил папиросы и покашливал, его усы от табачного дыма сделались рыжевато-сизыми, а сам он совершенно точно не был оператором. Но слушали его внимательно, никто не отвлекался на разговоры с соседями и не скучал. Такое впечатление, кроме меня, первокурсников тут и не было вовсе.

За окном потемнело, принялись стучать по отливам капли дождя, и с непривычки начало клонить в сон, чуть челюсть не вывернул, пытаясь справиться с зевотой. Впору было порадоваться, что на заднюю парту сел. Наверное, задремал бы даже, но приходилось прилагать постоянные усилия, дабы удержать под контролем внутренний потенциал.

И ведь не слить его тут никак! Придется алхимической печью пережигать, иначе точно голова лопнет...

Вторую длинную перемену решил потратить на поиски столовой. Найти нашел, но хоть в просторном помещении и работало сразу несколько раздач, очереди к ним выстроились изрядные, да и свободных столиков уже не осталось. Подозреваю, спокойно перекусить тут реально было только во время лекций, а у меня в сегодняшнем расписании окон не было. Тогда в целях рекогносцировки прошел по этажам и наткнулся на буфет, где было далеко не столь многолюдно, но талоны

там не принимали, а цены откровенно кусались. Поймал ртом струйку фонтанчика с питьевой водой, да и двинулся обратно к лестнице.

По пути обратил внимание на компанию крепких молодых людей с одинаковыми стрижками, отчасти напоминавшими мой собственный бокс. Говорили они на рубленном тяжеловесном языке — в гимназии изучал оксонский, узнал его сразу.

Я несколько даже растерялся. Почему-то полагал, будто после провозглашения независимости их квоту от Лиги Наций закроют, а учащихся вышлют, но вот они — пьют кофе, лопают булочки и кажутся вполне довольными жизнью. Странно.

В запасе оставалось минут пять, и я заскочил перед парой в туалет, а когда уже споласкивал руки, вновь хлопнула дверь. Оглянулся и обнаружил, что ко мне присоединился худошавый паренек в просторных брюках и пиджаке нараспашку.

— Новенький, да? — спросил он с неприятной такой ухмылочкой.

Внутри все заныло в предчувствии неминуемой драки; удивился даже этому полузабытому ощущению. Не иначе атмосфера учебного заведения свою роль сыграла, снова гимназистом себя ощутил.

— Чего молчишь? — продолжил наседать на меня паренек. — Новенький же?

— Допустим, — коротко ответил я, ожидая развития событий.

— У нас тут свои порядки! Если что-нибудь выкинешь — мигом в бараний рог скрутим! Усек?

И тут я его узнал. Сначала вспомнилась отрывистая жестикуляция, а потом и наглая физиономия. Точно! Именно этот задохлик с двумя приятелями пытался взять меня в оборот тем летом в городском парке. Тогда вмешался Карл, а сейчас...

Я улыбнулся и шагнул вперед.

— Малыш, у тебя от рождения с памятью плохо или часто по голове били?

— Чё?

Коротышка нахохлился, но я был выше и — кто бы мог подумать! — тяжелее, поэтому заставил его попятиться к входной двери.

— Да ты знаешь, с кем связался, а?

— Знаю, — подтвердил я, наступил пареньку на ногу и легонько пихнул плечом.

Отступить тот не смог, опрокинулся на дверь, распахнул ее и вывалился из уборной. Я шагнул следом и протянул руку, но коротышка предпочел подняться с пола самостоятельно.

— Тебе конец! — выкрикнул он излишне громко; начали оборачиваться студенты.

— Ты аккуратней давай. Падение на задницу сотрясение мозга вызвать может, — заявил я с улыбкой, столь же безмятежной, сколь и фальшивой. — А если копчик сломаешь, тогда вообще беда.

— Поговорим еще! — многообещающе прозвучало в ответ, и паренек отошел к компании студентов, наблюдавших за нами со стороны.

Среди них обнаружился и тот, которого Карл прошлым летом поименовал Северяниным, но удивило другое: там же стоял и торопыга с бугристым лицом, и вот это обстоятельство на простое совпадение уже несколько не походило.

Послышался смех, и от группы спортивного вида студентов донеслась ехидная реплика:

— Ну что, Север, съел?

Я воспользовался моментом и двинулся к лестнице. Ситуация показалась какой-то очень уж наигранной. В институте куча народа учится, а цепляться в первый же день начали именно ко мне. И ладно бы на общем фоне как-то выделялся — так нет же! Но вот кто выделялся — так это Лев. Его появление в черных очках и с тросточкой точно событием дня стало. Быть может, дело именно в этом?

Предположение показалось небезынтересным, решил при первом же удобном случае поделиться им с Альбертом Павловичем. Ну а сейчас пора было бежать на лекцию.

Третьей и последней на сегодня парой у меня были основы психологии, заскочил в аудиторию уже непосредственно перед самым звонком, и три последних ряда оказались заняты, пришлось садиться чуть ниже.

— Представляешь, он два года в лучшей психиатрической клинике Ведуны стажировался! — поведала соседке барышня с соседней парты, но подробностей не последовало, поскольку через вторую дверь зашел лектор.

Это был молодой человек лет двадцати семи — тридцати, стройный и подтянутый, в отлично пошитом костюме. Он положил небольшой кожаный портфель на стол, встал за кафедру и, разрешив присутствующим садиться, представился:

— Меня зовут Эрнест Карлович Рейс, я — магистр психологии...

Хорошо поставленный голос, негромкий, очень ровный и мягкий, легко перекрыл шепотки, и студенты враз смолкли, шепотки как отрезало. Первый академический час лекция шла под аккомпанемент едва слышного шуршания грифелей карандашей и скрипа стальных перьев, а вот на второй половине занятия магистр стал работать с аудиторией, вовлекать в обсуждение студентов с первых рядов, приводить примеры из древней и классической литературы, и я даже не заметил, как пролетели эти сорок пять минут.

— Такой красавчик! — шепнула подружке моя соседка и предложила: — Давай подойдем!

Барышни начали спускаться по проходу, и пообщаться с лектором на перемене захотели отнюдь не только они одни. Среди окруживших кафедру девушек затесалось и несколько молодых людей, ну а я быстренько собрался и поспешил в столовую, пока туда не успели набежать оголодавшие студенты. Мои талоны на питание вопросов не вызвали, рассчитался ими за обед, еще и с Мишей Поповичем скооперировался. Я взял картофельное пюре, он тушеную капусту, вот и сообразили сложный гарнир.

— Не цепляли тебя? — уточнил, когда приступили к трапезе.

Миша аж вилку до рта не донес.

— Нет. А кто?

— Да есть тут деятели. Если что — обращайся.

Дальше я до половины третьего просидел в библиотеке, после чего отправился в больницу. Перед кабинетом Лизаветы Наумовны как обычно толпились пациенты, но я с важным видом прошествовал мимо очереди, а в ответ на недоуменные возгласы объявил:

— Доставка документов!

На левой руке у меня для пущей важности была повязана красная повязка, и никто возмущаться не стал. Я постучал в

дверь, после приоткрыл ее и обнаружил, что Лизавета не ведет прием, а заполняет какие-то бумаги.

— Лизавета Наумовна, здравствуйте! Я табели принес, как договаривались.

Та отложила ручку, взглянула на меня и разрешила:

— Проходи, Петр.

Увы, за вторым столом тетенька в белом халате беседовала с конопатой студенткой, и разговора с глазу на глаз не получилось. Я опустил на стул для посетителей и протянул два листа. Пояснил:

— Основной табель и пересдача.

— Пересдача? — Лизавета взяла листы и принялась сравнивать, потом подняла на меня удивленный взгляд. — Это как так?

— Пришлось энергией в противофазе оперировать, а то не брали из-за низких показателей.

— Макар Демидович будет впечатлен, — заметила Лизавета и улыбнулась. — Я тоже впечатлена. Все очень даже неплохо.

— Мощность только подкачала. Сорок четыре киловатта — это несерьезно.

— У кого-то нет и этого.

— Ну да, ну да...

— Выше нос! — приободрила меня Лизавета и спросила: — Как самочувствие? Ничего не беспокоит?

Я посмотрел в ее серые глаза, и по спине немедленно побежали мурашки.

— Все хорошо, замечательно даже, — уверил собеседницу после мимолетной заминки и осмелился добавить: — Но от дополнительного осмотра бы не отказался. Не хочется самолечением заниматься.

Лизавета все поняла верно и улыбнулась.

— Молодому и здоровому организму вроде твоего самолечение во вред не пойдет. Все, беги. Документы Макару Демидовичу я передам.

Я никак не выказал разочарования, поднялся со стула и двинулся к входной двери, но сразу обернулся и уточнил:

— Лизавета Наумовна, а вы на разряд сдали?

— Сдала.

— Поздравляю! — сказал я и отправился восвояси.

Точнее, побежал на служебный вход. Подходило время дежурства, и опаздывать в первый же день совершенно не хоте-

лось. Успел вовремя, и это было просто здорово, поскольку заместитель коменданта уже дожидался меня на месте.

— Тут все просто, — заявил он. — Стоишь и ни во что не вмешиваешься. Возникнет нужда, тебя позовут. Понял?

— Так точно!

— Работать будешь с Валентином и Николаем, все тебе покажут и расскажут.

Парочка вахтеров синхронно кивнула. Они были похожи как братья — оба среднего роста и крепкие, каждому лет под сорок; операторы.

Мелькнула мысль, что пройти инициацию эта парочка должна была примерно в одно время с нынешним ректором, и меня продрало холодком заполошного страха — а ну как тоже застряну в комендатуре на два десятка лет? Буду гонять хулиганов и крутить руки нарушителям общественного порядка день за днем, вечер за вечером. И хорошо если на пик витка выйду. А там — потолок.

Меня даже замутило, решил отвлечься, вот и спросил:

— Где план эвакуации на случай пожара, аптечка и оружие?

Заместитель коменданта указал на дверь дежурки и распорядился:

— Покажи ему, Николай.

Я проследовал за вахтером, а тот первым делом подошел к столу.

— Кто выливает последнюю воду, тот наполняет чайник. Обедаем и ужинаем в столовой, захочешь заморить червяка — покупай сам. Еду храним здесь.

Он распахнул шкафчик под забранным решеткой окном, там над верхней полкой обнаружилось сквозное отверстие в стене.

— План эвакуации на стене, шкаф с медикаментами — вот. Оружейный шкаф за дверью. Ключи от него у меня. — Николай вытянул за прицепленную к брючной петле цепочку связку ключей, продемонстрировал ее и спрятал обратно в карман. — Еще вопросы?

Я пожал плечами, потом уточнил:

— Мне и в самом деле ничего делать не нужно?

— Учишься? — спросил вахтер, кивком указав на стопку тетрадей.

— Учусь.

— Ну и занимайся. Нужно будет кого-нибудь подменить — позовем. Только за инструктаж распишись сначала.

Я уселся за стол и принялся разбираться с журналами проведения инструктажа, затем погрузился в легкий транс, разровнял плотность потенциала, равномерно разогнав слишком уж колюче ворочавшуюся в груди сверхсилу. Посидел так немного, свыкаясь с новыми ощущениями, и взялся перечитывать конспект общей теории сверхэнергии и вникать в заумные формулировки, которыми изобиловала лекция.

Задул западный ветер, от окна потянуло сквозняком, стекло покрылось коркой наледи, ну а я чем дальше, тем сильнее испытывал смутное ощущение неправильности. Не на пустом же месте решение об усилении охраны института возникло! Если в мою смену ЧП случится, пока конспекты изучаю, мало точно не покажется.

Так стоит ли под выговор подставляться?

Еще не хватало, чтобы с учебы турнули!

С обреченным вздохом я убрал тетради в вещевой мешок, но выходить из караульного помещения повременил и для начала изучил схему эвакуации и карту студгородка, территория которого оказалась куда обширней, нежели полагал после беготни с обходным листом. Потом я вышел в коридор и предупредил Николая:

— Осмотрюсь пока.

Близость множества операторов колола со всех сторон энергетическими помехами, и приходилось удерживать ясно-видение под жестким неослабевающим контролем, вот и погрузился в легкий транс, вновь принялся работать с потенциалом. Впрочем, даже будь я настороже, это бы ровным счетом ничего не изменило. Просто вышла из бокового коридора компания студентов — ну чего тут такого?

Вот только это оказались не студенты, а слушатели «Общества изучения сверхэнергии». Монархисты, чтоб их черти драли!

Три молодых человека и две барышни двинулись было к лифту, но заметили меня и задержались.

— Какие люди! — скривился рыхловатый и полноватый Роман, со смешком пихнув приятеля локтем. — Представляешь, Анатолий, этот невежа не безнадёжен! Его в вахтеры взяли!

— Кузен, перестань! — попросила Юлия Сергеевна со своим тягучим акцентом. — Давай не будем устраивать сцен!

Тот голосу разума не внял и продолжил изгаляться:

— Анатолий, скажи: ну неужели я не прав?

Боксер удара по уху не забыл и зло глянул на меня исподлобья.

— Прав, конечно. Надо было все же написать жалобу, как собирались. Мел бы сейчас улицы, для чего и был рожден!

Молодые люди рассмеялись, а я не нашелся с остроумным ответом, стоял и молчал, как дурак. Да и что тут скажешь? Не при исполнении же перебранку и тем паче драку затевать!

Ну да — оправдание собственной нерешительности я придумал что надо, только вот разбить надменные реваншистские рожи из-за этого хотелось только сильнее!

Юлия Сергеевна рассудительно заметила:

— Роман, Анатолий, вы ведете себя неприлично. И он, ко всему прочему, студент. Мы видели его на теории сверхэнергии. Настя, скажи!

Смазливая блондиночка наморщила лоб, потом протянула:

— Точно! Он же еще сидел с тем слепым чудиком!

Роман скривился, выдал:

— Подумать только, кого в аудитории пускают! — Распахнул дверцу лифта, первым шагнул в нее и выдал напоследок: — Цирк уродов, да и только!

Остальные последовали за ним, тогда подошел Николай и спросил:

— Чего они к тебе прицепились?

— Да зарядил в прошлом месяце одному в ухо, — поморщился я.

— Контра! — проворчал Валентин.

Я вздохнул. Контра и есть.

В семь вечера отправился на тренировку в институтскую боксерскую секцию. На этом в последнюю нашу встречу настоял Георгий Иванович, не соизволив никак объяснить свое решение, лишь проворчал что-то неразборчивое о необходимости скорейшей социализации.

У меня были большие сомнения, что из этой затеи выйдет хоть какой-нибудь прок, но и жаловаться на впустую потраченное время не приходилось: вспотел уже на упражнениях со

скалкой, а дальше мне ставили правильное перемещение во время боя, уклонения и прочие финты, в коих я оказался откровенно не силен.

Уже после душевой подошел Карл.

— Пьер, а ты вообще поступление собираешься отмечать? — поинтересовался он с таким видом, что иначе как риторическим вопрос было не расценить.

Мысль пропустить пару стаканчиков отторжения у меня не вызвала, обреченно вздохнул я совсем по другой причине.

— Хоть не в «СверхДжоуле»?

— Не, мы теперь туда ни ногой! — уверил меня Карл. — Это ж натуральное логово пацифистов! Научный факт! К нам в клуб пойдем.

— А давайте лучше в «Под пальмой» посидим? — предложил Коля. — На улице каток настоящий. Три раза уже вернулся за сегодня.

— Это где? — уточнил я.

— Кафешка напротив сквера.

Я кивнул.

— Тогда вы идите, а я через полчаса прибегу.

Так и решили.

Выгаданные полчаса я использовал с умом — поужинал в студенческой столовой. Не знаю, какие расценки в «Под пальмой», а тут и кормят прилично, и талонами расплатиться можно. Потом еще забежал за плащом в дежурку, а только выскочил на крыльцо — и едва не скатился по его обледенелым ступеням, лишь в самый последний момент за перила схватиться успел. Осторожно спустился, шагнул на брусчатку и понял, что в своих шикарных полуботинках недалеко ушел от коровы на льду.

Обидно, досадно, но ладно. Дойду.

Зато от уличной прохлады чуть меньше голова болеть стала. Плохо разве? Да ничуть!

Когда миновал сквер с фонтаном, у ближайшего фонаря остановился извозчик, из повозки выбрался молодой человек, и я узнал Виктора — приятеля Лии. Да с ней он к институту и прикатил: протянул руку, помог спуститься на мостовую, но не остался и после поцелуя в щечку заскочил обратно и отправился куда-то дальше.

Я помахал рукой.

— Лия!

— Петя, привет! — обрадовалась мне бывшая одноклассница. — Я Льва на кафедре видела, а с тобой разминулась!

— Да я туда на пять минут только забежал. Ты чего дрожишь?

— З-замерзла, — призналась девчонка. — Мы на коньках с Витей катались.

— Мало вам гололеда! — фыркнул я. — Пойдем, горячим чаем напою, а то разболеешься! Где тут у вас «Под пальмой»?

— Да вот же! — указала Лия через дорогу, и точно — на соседнем доме фонари подсвечивали вывеску с экзотическим растением.

Вот туда мы и двинулись. В кафе оказалось шумно илюдно, а в центре зала росла самая настоящая пальма в пару человеческих ростов высотой. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал!

Проходить за стол Лия отказалась наотрез, и я помахал рукой Карлу, а сам отвел девушку к бару, убрал ее пальто на вешалку, туда же повесил и свой плащ, вещмешок кинул на пол. Помимо чая заказал две порции бренди, и Лия замотала головой.

— Нет-нет! Мне не надо!

Я только рассмеялся.

— Смотри и учись!

Когда буфетчик выставил стаканы и рюмки, я отпил чаю и долил в него бренди. Лия засомневалась, но все же последовала моему примеру, только едва-едва плеснула, исключительно для вкуса и аромата. Но и так после первого же глотка ее щеки порозовели, от улыбки на них залегли милые ямочки.

— Ты меня просто спас, Петя! Теперь бы только к алкоголю не пристраститься!

— Брось!

Я влил в себя остатки ее порции, шумно выдохнул и запил чаем, решив обойтись сегодня без пива. Вот бренди — это дело. Рюмку замахнул, и мигом голова болеть перестала.

Красота, да и только!

— А ты какие предметы выбрал? — спросила Лия, обхватив тоненькими пальчиками горячее стекло граненого стакана.

Я достал список, и оказалось, что наши расписания в некоторые дни пересекаются, договорились садиться вместе. Затем Лия допила чай и начала собираться.

— Ненавижу холод, — пожаловалась она.

— Попробуй освоить технику алхимической печи, — посоветовал я. — Прогревает не хуже бренди.

— Хорошо, спрошу методичку в библиотеке, — сказала Лия, а когда помог ей надеть пальто, чмокнула меня в щеку и ушла.

Я у стойки задерживаться не стал, расплатился и пересел за стол к Николаю, Яну, Карлу и прочим знакомым, смутно знакомым и совсем незнакомым студентам; точнее даже не за стол, а за два стола, придвинутых друг к другу. Подошедший официант принял заказ и вскоре вернулся с кружками пива, ну а мне вновь принес чай и рюмку бренди.

— И как тебе в институте? — полюбопытствовал Ян.

— Здорово! — признался я. — Лучше, чем на курсах.

— Брось, Пьер! — махнул рукой Карл. — Видели мы, как ты лихо сослуживца из круга выбил! Нас такому не учат.

— Так и нас энергетические конструкции составлять не обучают.

— Серьезное конструирование только с третьего курса начинается, — с печальным вздохом заявил Коля, и все кругом согласо закивали.

Мы чокнулись и выпили, тогда я спросил Карла:

— Так понял, Нинка себе кого-то уже нашла?

— Угу, — нехотя подтвердил тот. — Разобиделась она на тебя крепко, дружище.

— Бывает, — беспечно улыбнулся я, заметил у бара бугристую физиономию крепыша, который пытался без очереди пролезть в лифт, огляделся и обнаружил за столом в дальнем углу Северянина со товарищи.

Карл проследил за моим взглядом и сказал:

— Ты с ним осторожней. Злопамятный гаденыш. Эталонный урод просто.

Ян кивнул.

— Напакостить запросто может.

— А из-за чего сыр-бор? — полюбопытствовал Коля. — Говорят, ты Панкрата уронил?

— Панкрат — это который у буфета сейчас стоит?

— Нет, это Слава Бугор. Панкрат маленький и вертлявый такой. Кличка у него Заноза.

— Его уронил, ага.

Я рассказал о стычке в уборной, и мы заказали еще пива. Меня, как и следовало ожидать, расспросили о Льве, а потом Карл приложился к запотевшей кружке и вдруг поперхнулся.

— Эти-то что здесь забыли? — проворчал он, вытирая губы носовым платком.

Как оказалось, в кафе пожаловала компания монархистов. Было их человек десять, в том числе и мои знакомые. Я начал закипать.

Ну вот что такое?! Нигде от контры покоя нет!

— Часто сюда заходят? — спросил я, хрустнув костяшками пальцев.

— Вообще не заходят, — пробурчал Карл. — Первый раз приперлись.

— Предлагаю их выставить! — решительно заявил Николай. — Кто «за»?

— Все «за», — вздохнул незнакомый студент, сидевший напротив. — А вот платить за поломанную мебель и выбитые стекла желающих никогда не бывает.

Как видно, это был намек на какой-то конкретный случай, и запал у компании моментально угас. Да я и сам уже успокоился, лишь спросил:

— А чего их в институт пускают? У них же свое общество.

— Платят за обучение, вот и пускают, — со вздохом пояснил Костя — худенький парнишка, который в зале колотил груши так, что аж пыль летела. — Все продается и покупается. Миром правит золотой телец.

Разговор сам собой перешел на пороки капиталистического строя, и я лишь изредка вставлял какие-то реплики, а сам приглядывался к монархистам и обкатывал в голове остроумные реплики, которыми мог бы срезать рыхлого Романа. Понимаю — после драки кулаками не машут, только подозреваю, они меня теперь каждое дежурство доставать станут. Так что приглядывался, подмечал нюансы поведения, заодно и слова Карла о неоднородности этого так называемого дворянского общества припомнил. Все так, даже в этой компании вроде бы

хороших знакомых кто-то был на вторых ролях, не сказать на побегушках.

Попутно я пил чай с бренди и в какой-то момент поймал себя на мысли, что блондиночка Настя вполне ничего себе, а Юлия Сергеевна и вовсе могла бы считаться красоткой, кабы не делавшая ее лицо слишком уж вытянутым нижняя челюсть. И еще показалось досадным то обстоятельство, что не удается толком разглядеть их сидевших ко мне спиной подружек.

Звоночек это был на редкость тревожный, и я засобирался, заодно решили сворачиваться и остальные. Пока допили пиво, пока скинулись и оплатили счет, начали расходиться и монархисты. Бренди привел меня в благодушное расположение духа, драться и скандалить расхотелось, поэтому я намеренно задержался в уборной. Умылся, причесался, поглядел на свое отражение и остался увиденным целиком и полностью доволен.

Ну а чего нет? Красавчик же!

Окликнули меня, когда снимал с вешалки плащ.

— И как простой мотоциклист сумел поступить в институт?

Голос с характерным тягучим акцентом и милой манерой слегка проглатывать окончания слов оказался прекрасно знаком, поэтому я несколько не удивился, когда обернулся и обнаружил облокотившуюся на барную стойку Юлию Сергеевну. А вот что удивило — так это отсутствие ее друзей и подружек.

— Не имей сто рублей... — проворчал я, намеренно не став завершать поговорку.

— Связи — большое дело, — на полном серьезе произнесла барышня и вдруг протянула руку. — Юля.

— Петр, — представился я, машинально пожав кончики девичьих пальцев. Сразу пожалел об этом и буркнул: — До свидания, Юлия Сергеевна.

Не тут-то было.

— Будь так любезен...

Я снял с вешалки каракулевую шубку и помог девушке ее надеть. Сам не заметил даже, как Юлия ухватила под руку — вышли на крыльцо, будто парочка. И отшить настырную барышню тоже не успел: она поскользнулась, испуганно ойкнула и повисла на мне, едва не завалив вместе с собой.

— Ужасный гололед! — пожаловалась Юля. — Проводишь? Боюсь, мои туфли не рассчитаны на такую погоду.

Нужно было посоветовать поймать извозчика. Проклятье! Я ведь так и намеревался поступить, поскольку ситуация была ясна как божий день. Ну а затем подумал: какого черта?! Кто предупрежден, тот вооружен! В другой раз монархисты вполне могут застать врасплох, а сегодня такой номер у них точно не пройдет.

И я сказал:

— Веди!

— Тут недалеко, — уверила меня Юлия и ободряюще улыбнулась.

Думал, заведет в первую попавшуюся подворотню, но мы минут пять удалялись от института по оживленной улице с многочисленными кафе и закусочными. Время было не самое позднее, то и дело навстречу попадались прохожие, курили у питейных заведений компании молодежи.

Брусчатку покрывала настоящая корка наледи, скользили мы просто беспрестанно, и очень скоро мне все просто осточертело, захотелось послать и Юлю, и ее слишком уж осторожных дружочков куда подальше и двинуться напрямиком к трамвайной остановке, да тут пришло время сворачивать на перекрестке. Фонари остались за спиной, и резко стемнело, но совсем уж глухой улочка не была, таковой она сделалась лишь после поворота вглубь квартала. Впрочем, перебежавшую дорогу черную кошку мы разглядели даже впотьмах.

— Этого еще не хватало! — расстроилась Юлия, остановилась сама и удержала на месте меня. — Давай обойдем!

— Ну нельзя же быть такой суеверной! — фыркнул я.

— Нет, пойдем!

Я не сдвинулся с места и привел известный факт:

— В Айле считается, что черный кот приносит удачу.

— Но мы-то не в Айле! — резонно возразила Юлия, встрепнулась и повисла на мне чуть ли не всем весом. — Кто-то идет!

Я приготовился стряхнуть ее и спустил с поводка дар ясновидения, но — ничего. Уловил сверхъестественным чутьем едва уловимое искажение энергетического фона, создаваемое спутницей, да еще в соседних домах жило никак не меньше

дюжины операторов, а вот нагоняли нас обычные люди. Теперь я и сам слышал их быстрые шаги.

Неужто монархисты подкупили каких-то забулдыг?

Повисшая на плече девушка лишила подвижности, и я потребовал:

— Отпусти!

Та, к моему величайшему удивлению, и не вздумала упрямиться, еще и вещевой мешок ей в руки сунул, а секунду спустя из-за угла вывернула спешившая за нами парочка. Толком разглядеть их впотьмах не получилось: брюки, пиджаки, кепки — вот, собственно, и все.

Они определенно не ожидали настигнуть нас так быстро, и один растерялся, а вот второй как ни в чем не бывало вытянул заложенную за ухо папиросу.

— Огоньку бы! — сказал он, поднося руку ко рту.

Я такого захода не ожидал, поэтому и не успел среагировать, когда резкий выдох отправил мне в лицо содержимое бумажной гильзы. В глаза словно жидкого огня плеснули, и перепадом давления облачко едкой трухи я отмел от себя совершенно инстинктивно; просто сработали рефлексы.

Наградой стали всхлип и надсадный кашель хватанувшего этой дряни противника, а дальше пронзительно завизжала Юля, и я пнул вслепую, попал во что-то мягкое и сразу отскочил назад, вскидывая в защитной стойке руки. Попутно сотворил плоскость давления, отгородился ею, и тут же свистнул воздух, шибанула по прикрывавшему голову предплечью палка. На мою удачу, удар оказался ослаблен достаточно, чтобы не перебить кость, а следующий удалось принять, задействовав технику закрытой руки. Дубинка треснула и переломилась надвое, мне — хоть бы хны.

Невероятным усилием воли я заставил себя распахнуть горевшие огнем глаза и через заливавшие их слезы разглядел два смутных силуэта — вроде бы мужской и женский. Юля шибанула хулигану по спине моим мешком, и он отвлекся, подставился под прямой в голову. Я врезал правой, метя в белое пятно лица, и под кулаком что-то хрустнуло. Противник упал к своему корчившемуся в приступе кашля приятелю, я только добавил ногой, и Юля взвизгнула:

— Бежим! — и потянула меня прочь.

Из-за нестерпимого жжения в глазах и слез ничего толком не видел, поэтому упрямыться не стал. В противном случае девица вполне могла удрать одна, а без поводыря мне было сейчас никак не обойтись.

Да и что еще оставалось? Задержаться для оформления этих гавриков? Так они очухаются и навалиют по первое число еще до приезда патруля. Долбануть сверхсилой, чтоб уж наверняка? И как потом без свидетелей доказать, что они первые начали? Да и алкоголем от меня разит, ну его к лешему!

И мы побежали. Поворачивали, поскальзывались, раз даже упали. А через пару минут Юля подтащила меня к колонке и навалилась на рычаг. Я подставил ладони под тугую струю ледяной воды и принялся промывать глаза, отфыркиваться и отплеываться. Понемногу полегчало.

— И что это было? — спросила барышня.

— Красный перец с табаком, похоже, намешали, — не слишком уверенно предположил я и спросил: — Ты как?

— Ногу подвернула, — пожаловалась Юля. — Не сильно, но наступать больно.

Пришлось помогать, благо оставалось пройти через арку во двор и подняться по лестнице черного хода на второй этаж. Там барышня начала рыться в сумочке, выискивая ключи, а я с непонятной отстраненностью стал прикидывать, не обернется ли попытка попроситься на чай пощечиной и нужно ли мне это вовсе. Не пощечина конечно же. И даже не чай.

Но проявлять инициативу и не пришлось, все разрешилось само собой.

— Заходи! — позвала меня за собой Юлия, справившись с замком. — Надо посмотреть, что у тебя с глазами.

Глаза у меня опухли и продолжали слезиться, но бдительности я не потерял и моментально заподозрил, что схлестнуться мог с самыми обычными хулиганами, а интрига монархистов куда как изощренней. Зайду — и кто знает, чем это в итоге обернется?

Паранойя? Вот уж не сказал бы. Трудно подвох в столь неправдоподобной и даже попросту абсурдной ситуации не заподозрить. Кто Юлия Сергеевна и кто я? Да нам при случайной встрече на разные стороны улицы расходиться стоит, а тут — такое...

Стоило бы попрощаться и уйти, а я с беспечной улыбкой шагнул через порог.

Один раз живем? Ну-ну...

ГЛАВА 2

В квартире оказалось темно и тихо. Первым делом Юля шелкнула выключателем, и, когда под потолком загорелась не слишком яркая лампочка, стало видно, что черный ход привел нас на крохотную кухоньку. Стол, пара табуретов, буфет, раковина и плита. Не слишком роскошно, вот только отдельная квартира — это большое дело уже само по себе.

— Разувайся! — распорядилась Юля, скинула туфельки и, слегка припадая на правую ногу, скрылась в коридоре.

Я миг постоял, прислушиваясь к скрипу половиц, потом оставил на коврике под дверью полуботинки, снял плащ и кинул его на табурет, сам уселся на соседний. Барышня вернулась на кухню уже в платье, первым делом она задернула шторы, после набрала в миску холодной воды, взяла чистый платок и подступила ко мне вплотную.

— Голову запрокинь! — попросила Юлия.

Послушался, и перед лицом замаячила обтянутая платьем девичья грудь, донесся легкий аромат цветочных духов.

— Все лучше, чем я думала! — произнесла барышня, начав промывать мне глаза, тогда я обнял ее левой рукой за талию и притянул к себе, а правую запустил под платье. Ладонь скользнула по гладкому шелку чулка к теплой коже бедра, и Юля резко отстранилась.

Запросто мог удержать ее, но не стал. Ожидал схлопотать по морде, а дворяночка лишь возмущенно выдохнула:

— Ну ты и нахал! — Она поставила миску на стол, шагнула в коридор и уже в дверях обернулась. — Долго сидеть собираешься?

Вариантов было два: встать и уйти либо последовать за ней, предпочел испытать удачу. Юля тому обстоятельству, что я зашел за ней в комнату, ничуть не удивилась, повернулась спиной и попросила:

— Расстегни.

«Ну вот сейчас меня и возьмут под белы ручки», — мелькнул и тут же погас последний проблеск разума, а потом в висках застучала кровь, и возиться с пуговками я не стал, толкнул Юлию Сергеевну на кровать, задрал подол платья и навалился сверху. Барышня со смехом и наигранным возмущением задергалась, но извернуться ей так и не удалось, и все получилось, как получилось, — сумбурно и скомканно, под стать всему сегодняшнему дню.

Потом мы лежали и пытались унять сбившееся дыхание; я так уж точно. Наконец Юлия потребовала:

— Слезь с меня!

Я перевалился на кровать, а барышня безо всякой посторонней помощи растегнула платье, стянула его через голову и пожаловалась:

— Ну вот — теперь в чистку отдавать!

Она осталась лишь в бюстгальтере и чулках, и открывшийся вид увлек меня до такой степени, что далеко не сразу осознал крайнюю опрометчивость своей несдержанности.

— Кхм... — прочистил я горло. — А как у тебя с этими вашими женскими практиками? Незапланированная беременность не грозит?

— Поздно спохватился! — фыркнула Юлия, перехватила мой заинтересованный взгляд и самую малость покраснела, прикрылась снятым платьем. — Не случится, не бойся. Или надеялся с дворянской фамилией породниться?

— Еще чего не хватало! — оскорбленно выдал я в ответ, снял штаны, расправил их и аккуратно повесил на спинку стула, сверху устроил пиджак.

— Эй! — всполошилась барышня. — Ты чего разнагишался?!

Меньше всего мне хотелось выходить на холод и тащиться через полгорода в казарму, поэтому лишь пожал плечами.

— Неужели на ночь не приютишь?

Юлия Сергеевна уселась на кровать, подтянула к себе одеяло, прикрыв наготу, и заявила:

— Я тут вообще-то не одна живу! — Но сразу сменила гнев на милость и принялась под отрывистый треск пружины заводить будильник. — Черт с тобой, оставайся. Настюша в любом случае только под утро заявится.

— А что так?

— Рома сегодня во все тяжкие ударился, их квартира в полном распоряжении Анатоля, — пояснила Юля, отвернулась и завела руки за спину, намереваясь расстегнуть бюстгальтер. — Свет выключи. И на кухне тоже!

Я щелкнул одним выключателем, затем другим, в полной темноте вернулся в комнату и забрался под одеяло к отвернувшейся от меня девушке.

— Спи! — буркнула Юля, стоило только дать волю рукам.

— Ага, — покладисто согласился я и прижался к ней плотнее.

Уснули мы не скоро. Так получилось.

Подскочил из-за оглушительного трезвона будильника. Спросонья не сразу понял, где, почему и с кем, а когда сознание прояснилось, испытал в высшей степени смешанные чувства. Вечер определенно удался, но вот думал я вчера определенно не тем местом, коим это следует делать разумному молодому человеку, и было совершенно непонятно, какими моя опрометчивость чревата последствиями. Если эта странная барышня вознамерится перевести ни к чему не обязывающую интрижку во что-то большее с отношениями и обязательствами...

Брр! От одной только мысли об этом передернуло.

Юля хлопнула ладошкой по будильнику, и железное чудовище наконец-то заткнулось, тогда я уточнил:

— Сколько времени?

— Пя-а-ать... — с зевком ответила девушка и потянулась под одеялом. — Собирайся, скоро пожалует гулена Настюша. Если она тебя тут застанет, разразится гра-а-андиозный скандал.

С одной стороны, я испытал облегчение, что не придется ничего выдумывать и сбегать, похватав одежду в охапку, с другой — ощутил совершенно иррациональную обиду из-за уязвленного самолюбия. Именно поэтому перевернулся на бок и спросил:

— Ну и к чему это все было? Только не заливай, будто вдруг вспылала ко мне внезапной страстью. Я нравлюсь тебе ничуть не больше, чем ты мне!

Юля уставилась на меня своими пронзительно-синими, васильковыми даже, глазами и с улыбкой поинтересовалась:

— Я совсем-совсем тебе не нравлюсь?

Ответил я не сразу. Пусть ее вытянутое лицо и не соответствовало моим идеалам красоты, но фигура была на загляденье, ноги стройными, а упругая грудь — идеальной формы — да и мне ли привередничать?! — но вопрос-то был совсем о другом, и я сказал:

— У тебя очаровательный акцент. Если закрыть глаза...

— Подлец!

Юля попыталась спихнуть меня с кровати, но ничуть в этом не преуспела, и после недолгой возни я оказался на ней, на ней следующие десять минут и пробыл. Потом отвалился в сторону и с шумом перевел дух.

— Уф!

— В жизни такого наглеца не встречала! — с притворной обидой в голосе посетовала барышня.

— Брось! Как минимум один такой до меня тебе уже попался.

— Фи! — скривилась Юля. — Будь любезен воздержаться от скабрзностей. И выметайся уже!

Я уселся на кровати и невольно поморщился из-за давящей головной боли. Еще сильно саднило исцарапанную спину и болело левое предплечье; его отмечал длинный иссиня-черный синяк. А вот глаза уже не жгло, что откровенно порадовало.

— Душ есть у вас?

— Только ванна.

— Дикае люди, — проворчал я, встал и двинулся к темному проему двери.

— Дверь напротив! — подсказала Юля и потребовала: — Прикройся!

Я только рукой махнул, пытаюсь сориентироваться в погруженной в темноту квартире. Слева кухня, справа гостиная и прихожая. Чуть дальше — закрытая дверь второй комнаты, напротив небольшая ванная. Там я первым делом напился из-под крана, потом умылся и кое-как сполоснулся холодной водой.

Когда вернулся, Юля уже надела халат и включила ночник.

— Давай живее! — потребовала она и вновь зевнула. — Спа-а-ать хочу!

Медлить я не стал, натянул трусы, надел носки и брюки, потом сорочку. Морщась от жжения в спине, закинул подтяж-

ки сначала на левое плечо, затем на правое и принялся застегиваться и заправляться.

— Одного понять не могу: чего ты вчера мешком махать начала? Ты же оператор!

— Толку в драке от оператора первого витка! — фыркнула в ответ Юля.

— Даже так? И какой румб?

— Румб хороший — семнадцатый. Это виток подкачал.

— Бывает.

— Но учти, Петр, по квитаться мне силенок хватит, если языком трепать начнешь! — пригрозила вдруг барышня.

Я не без труда подавил пренебрежительную усмешку и даже провел большим пальцем по губам, словно запирали их на молнию, а вот придумать достойный ответ уже не успел, поскольку из коридора донесся отчетливый металлический скрежет. Сердце так и екнуло.

— Быстрее! — прошипела Юля. — Выметайся!

Вслед за скрежетом звякнул дверной звонок, и я опрометью выскочил из комнаты, метнулся на кухню, схватил вещмешок, кепку и плащ, а уже когда вталкивал ступни в полуботинки, услышал преувеличенно сонный голос Юли:

— Да иду я! Иду!

На лестницу черного хода выскользнул, готовый к чему угодно, но площадка пустовала. Притворил за собой дверь, спустился во двор и уже там оделся, потом напился у колонки, а у первого попавшегося фонаря проверил содержимое карманов и часы. Все оказалось на месте, ничего нового не прибавилось.

И кто бы мне сказал, что все это значит?

О-хо-хо...

В клинику ко Льву я отправился пешком — пока шел, избавился от потенциала в противофазе и набрал под четыре сотни килоджоулей уже обычной сверхэнергии. Решил не повторять вчерашней ошибки, ибо негативу с ясновидением, пусть даже и зачаточным, находиться среди обычных операторов не слишком-то приятно, а у меня и без того голова с похмелья побаливала.

Примерно на полпути меня нагнал трамвай, на нем и доехал. Будить товарища в такую рань не стал, уселся на кушетку

в приемном покое и принялся медитировать, пытаюсь подстегнуть регенерационные процессы, но в итоге почти сразу уснул. Так и дрых, пока не растолкала Милена.

Барышня глянула с нескрываемым осуждением, но от комментариев воздержалась и предложила присоединиться ко Льву за завтраком, и вот уже он довольно бестактно заметил:

— Какой-то ты растрепанный сегодня, Петя. Плохо спал?

— Спал хорошо, — вздохнул я, — просто мало.

Лев глянул с интересом в ожидании продолжения, но меня слишком увлекли гренки и кофе, а с набитым ртом говорить не хотелось. К тому же, если выбросить постельные достижения, о которых распространяться точно не стоило, рассказывать было в общем-то и не о чем.

— Как с Палинским вчера пообщался? — спросил я, предпочтя перевести разговор на другую тему.

— Более-менее, — уклончиво ответил Лев и ушел собираться.

Наши сегодняшние расписания не пересекались, распрошались на вахте.

— Если что — обращайся, — предупредил я, на том мы и разошлись.

Лев отправился в лабораторный корпус, а я проигнорировал гардероб и двинулся к служебному входу. Там на вахте наткнулся на отчаянно зевавшего Митю Желудя и оставил плащ с вещевым мешком, на занятия с собой взял только карандаши и пару тетрадей.

Первой парой у меня стояло введение в право, и на всем протяжении лекции я отчаянно боролся с сонливостью, периодически клевал носом и прилагал невообразимые усилия, лишь бы только удержать глаза открытыми. Все бы ничего, вот только от лектора это не укрылось, и что самое паршивое — он меня прекрасно знал.

Занятие вел Илларион Валерианович Спас, старший советник надзорного дивизиона и ко всему прочему — магистр юриспруденции.

По окончании лекции я перехватил выразительный взгляд Иллариона Валериановича и расценил его совершенно верно, задержался у дверей аудитории.

— Лекция показалась столь скучной, что было сложно удержаться от зевоты? — спросил старший советник, проходя мимо.

— Никак нет! — заявил я и поспешил за ним. — Просто не выспался. Такого больше не повторится!

— Уж потрудитесь, — заявил Илларион Валерианович. — Иначе ваше присутствие на моих занятиях станет нежелательным. Это ясно?

— Так точно!

— Очень хорошо.

Старший советник ушел, а я с облегчением перевел дух и отправился в буфет, но там царило столпотворение, напился воды у фонтанчика, да и только. Еще перекинулся парой слов с Карлом и заметил Мишу Поповича — тот увлеченно беседовал с преподавателем, читавшим нам общую теорию сверхэнергии, мешать им не стал. Отправился в лабораторный корпус.

На этот раз пришлось подниматься на третий этаж — именно там располагались кабинеты местного руководства. У заведующего первой лабораторией и его заместителя оказалась одна приемная на двоих, вот в ней и расположился, сдав документы эффектной девице лет двадцати в нарядном платье с весьма смелым по институтским меркам вырезом декольте и очень уж броским макияжем.

Секретарша без промедления занесла бумаги в кабинет заместителя и тут же обо мне позабыла. Сначала разбирала корреспонденцию, затем сделала два телефонных звонка, а после увлеклась беседой с заглянувшей в приемную лаборанткой. Эта барышня поначалу не произвела на меня особого впечатления, но когда перегнулась через стол, дабы пошептаться с секретаршей, и задравшийся белый халатик приоткрыл подвязки чулок, я враз перестал сожалеть о впустую растрчиваемом тут времени.

— Да нет же! — произнесла секретарша, картинно закатив подведенные глазки. — Приказа еще не было, но вопрос о назначении уже решен. Мне Иришка по секрету шепнула, что его на подпись самому принесли.

— Он и вправду пять лет в Айле прожил?

— Три.

— Симпатичный? — уточнила лаборантка и тут же приснула от смеха, прикрыв рот ладошкой. — То-то ты принарядилась!

Задребезжал телефонный аппарат, секретарша сняла трубку и указала мне на дверь.

— Проходи.

В кабинете за погребенным под бумагами рабочим столом восседал грузный господин с глубокой залысиной и покрытым испариной лицом. Вид он имел нездоровый — то ли вправду был болен, то ли неважно себя чувствовал из-за жары. Не иначе были на полную открыты вентили батарей центрального отопления, и я порадовался, что оставил плащ в приемной, ну а затем меня огорошили неожиданным вопросом:

— Ну и чего вы, собственно, от нас хотите, молодой человек?

Я несколько даже потерялся, но тут же взял себя в руки и заявил:

— Выйти на пик витка.

— С тридцать второго румба? — скептически хмыкнул заместитель заведующего. — Устремление, достойное уважения. — Он посмотрел на мои документы, вздохнул и объявил: — Для начала придется пройти полное медицинское обследование, что само по себе небыстро и недешево...

— Извините, но заключение уже есть.

— Да неужели? — Хозяин кабинета промокнул лицо носовым платком и принялся заново перебирать мои бумаги. — И в самом деле! — заявил он некоторое время спустя с нескрываемым удивлением. — О, да вам и схему воздействия вплоть до отдельных фаз расписали! Что ж, это все предельно упрощает. Предварительный анализ — наше слабое место, на месяц вперед очередь расписана, а вот на терапию можете хоть завтра приходите.

Заместитель заведующего достал из ящика стола счета и принялся быстро перекидывать туда-сюда костяшки.

— Текущая длительность резонанса тридцать две секунды, пик витка — сорок шесть. Потенциал роста — четырнадцать. Применим схему четыре-четыре-четыре-два, чтобы за месяц вывести на пик румба. Заявленной сопротивляемости в семьдесят один процент хватит с лихвой, риск побочных эффектов

минимален, нагрузка на энергетические каналы с учетом их стабилизации умеренная.

Я мало что понял из всего этого бормотания, да оно и не предназначалось для моих ушей. Далее последовал четкий и понятный вердикт:

— Итого четырнадцать процедур с щадящим медикаментозным воздействием по двадцать пять рублей каждая — это триста пятьдесят рублей, включая все налоги и сборы.

Наверное, у меня что-то изменилось в лице, а быть может, все студенты реагировали примерно одинаково, поскольку хозяин кабинета добавил:

— Фактически на текущем этапе у вас нет нужды подстегивать процесс развития способностей терапевтически. Большинство операторов при должном усердии способно достичь пика румба самостоятельно. В вашем случае на это уйдет не более пяти-шести месяцев.

Я хекнул, прочищая горло, и уточнил:

— А эти процедуры платные только для вольных слушателей или вообще для всех?

— Абсолютно для всех. Но студентам достаточно подписать отложенное обязательство, а вот в вашем случае это невозможно.

«Долговая кабала», — мелькнуло в голове, но озвучивать эту мысль не стал. Я бы с радостью согласился на любые обязательства, лишь бы только прыгнуть выше головы и пробиться через заложенный при инициации барьер, только вот для меня этот путь был закрыт.

Проклятье! Как бы сейчасгодились деньги, растраченные в декабре на сухую ерунду!

Во рту стало кисло, заныло сердце.

— Пик румба — это лишь начало, — сказал я, собравшись с мыслями. — Моя цель — пик витка. Сколько на это придется потратить времени и... денег?

Заместитель заведующего первой лабораторией смерил меня оценивающим взглядом и вновь обратился к счетам, принялся под стук костяшек комментировать свои вычисления.

— Пик девятого витка — восемьдесят три секунды. Разница с пиком румба — тридцать семь. Основной прирост отдачи в конце, с такой сопротивляемостью оптимальная схема тринна-

дцать-тринадцать-одиннадцать, но разгон придется давать с самого начала. Это дает дополнительный сеанс в неделю. Стоимость увеличится до четырехсот пятидесяти рублей.

Я приободрился было, услышав не столь уж и кошмарную сумму, вот только подсчеты касались выхода на пик румба, а не витка.

— Второй этап будет состоять из двенадцати недель по четыре сеанса по пятьдесят рублей каждый. Итого две тысячи четырехста рублей.

Меня будто доской по лицу приложили. Хлоп! И в нокауте. Все надежды разом вышибло.

— Пятьдесят рублей сеанс? — пролепетал я срывающимся голосом.

— Ну а что вы хотели, молодой человек? Воздействие на организм второй категории — это не шутки! Тут и расход препаратов соответствующий, и передовые техники будут задействованы. На вас станет тратить свое время множество высококлассных специалистов, не говоря уже о необходимости поддерживающих организм процедур. Хотя... — Хозяин кабинета полистал медицинские заключения, похмыкал и сказал: — Судя по рекомендованной схеме, расход препаратов будет ниже обычного и в столь интенсивном компенсирующем воздействии тоже не возникнет нужды. По крайней мере, первые три месяца — точно. Вот что, молодой человек... Обождите в приемной. Вас пригласят.

Я уже распахнул дверь, когда заместитель заведующего поднял трубку и попросил:

— Милочка, соедини меня со Звонарем. Да, безотлагательно.

На ватных ногах я вышел в прихожую и уселся на стул. Хотелось выть в голос, но переборол слабость, заставил себя выкинуть из головы все переживания, погрузился в транс. Тогда полегчало, и обратно в кабинет я вернулся уже без мыслей о мыле и веревке.

— Значит, так! Я поговорил с доцентом Звонарем, у которого вы наблюдаетесь, — сразу взял быка за рога заместитель заведующего, — мы решили увеличить количество сеансов на втором этапе до пятидесяти, что позволит снизить затраты до сорока рублей на процедуру, а Макар Демидович пришлет ходатайство о покрытии части расходов за счет внутренних ре-

зервов лаборатории. Рассматривать его будет новый заведующий, но это обычная практика, согласование много времени, как правило, не занимает.

Я сглотнул и спросил:

— Сколько?

— Полная стоимость курса в этом случае составит тысячу восемьсот тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Надежду подстрелили на взлете, будто выпорхнувшую из камышей утку.

— Нереально, — только и покачал я головой.

— Молодой человек... Петр, — с сочувствием в голосе обратился ко мне хозяин кабинета, — вы же к нам не сами по себе пришли. За вас в том числе и работодатель ходатайствовал. Попросите руководство оформить гарантийное письмо на эту сумму. В конце концов, они прямо заинтересованы в росте ваших способностей.

— Спасибо. Попробую.

Не могу сказать, будто ощутил себя как после пропущенного прямого в голову, но в чем-то ощущения были схожи. Я бездумно вышел в приемную, оделся и отправился в главный корпус. В себя пришел лишь в буфете после двух стаканов газированной воды с сиропом. На этом я останавливаться не стал, купил плитку шоколада и в один присест ее смолотил, тогда только худо-бедно заработала голова.

Чем впадать в панику, стоило поговорить с капитаном Гордцом.

Да! Так и следовало поступить.

Я кивнул, соглашаясь с собственными мыслями, вытянул из жилетного кармана часы, откинул крышку и решил, что до следующей пары вполне успею посидеть в библиотеке. Туда и отправился, желая прояснить кое-какие моменты по вчерашней лекции общей теории сверхэнергии.

Последними на сегодня у меня были сдвоенные занятия по философии, вел их импозантный, не сказать утонченный господин средних лет, и лекцию он перемежал пространными отступлениями, поэтому в столовую я отправился не только в подавленном настроении, но еще и с идущей кругом головой. А вот повстречавшийся там Миша Попович светился будто надраенный медный пятак.

— Переговорил с Сергеем Богдановичем, — заявил он, когда мы унесли подносы с тарелками к одному из столов, — договорился о посещении лекций по комбинаторике!

Сергеем Богдановичем звали лектора, читавшего нам общую теорию сверхэнергии, и я машинально кивнул.

— Здорово! — Отломил вилкой кусочек котлеты и уточнил: — Будешь энергетические конструкции создавать?

Миша помрачнел.

— Буду когда-нибудь, — буркнул он. — Комбинаторика изучает принципы сочетания разных типов энергии. Ну как мы с помощью давления и электричества плазму получаем.

— А, понял! Круто.

— Ты тоже можешь попробовать договориться.

Я покачал головой:

— Не, расписание под завязку забито. И никакие предметы не выкинуть — мне учебный план комиссар согласовал.

— Беда, — посочувствовал Миша и спросил: — А что за паренек слепой, с которым ты общаешься?

— Одноклассник бывший.

Попович pokrutil ладонью.

— Он всегда такой был?

— Нет, последствия инициации, — сообщил я и занялся едой.

После обеда в читальный зал я уже не пошел, спустился на вахту и проформы ради позвонил Альберту Павловичу, чтобы совершенно неожиданно для себя услышать:

— Завтра после третьей пары сходи в столовую горбольницы. Там дожись Валентину Паль, перекинься на виду у всех с ней парой слов. Только учти: встреча должна выглядеть случайной. Потом загляни ко мне на инструктаж.

Поговорить с Валеи?!

Я так удивился, что даже ничего выяснять по телефону не стал, коротко выдал:

— Сделаю, — и повесил трубку.

И кто бы мне объяснил, что все это значит? Нет, я знал, что Альберт Павлович вывел медсестру из-под удара, выставив жертвой шантажа, но мне-то зачем с ней встречаться? Нелепица какая-то!

Прихватив плащ и вещмешок, я вышел на улицу и с невероятным облегчением набрал полную грудь морозного воздуха. Пусть сегодня ясновидение и не забивало в темечко незримые гвозди, а внутренний потенциал не требовал беспрестанного контроля, но легкое похмелье и бессонная ночь сказались на самочувствии не лучшим образом, да еще выпавший с утра снежок уже успели притоптать, поэтому отправился в учебный центр ОНКОР пешком. По пути обдумывал поручение куратора, но информации категорически не хватало, плюнул и заглянул в лавку с письменными принадлежностями, купил записную книжку, чья обложка служила одновременно еще и футляром для короткого карандаша; будет куда телефонные номера и адреса заносить.

Пришел в учебный центр на четверть часа раньше, да только в кабинете Ноготка уже заполняли бумаги четверо курсантов. Все в штатском, все старше: трое заметно, один — самое большее на год.

— Заходи! — поманил меня Денис Гаврилович и вручил стопочку документов, где среди памяток и распоряжков обнаружилось и традиционное обязательство о неразглашении.

Заведующий прочистил горло и объявил уже всем:

— Помимо всего прочего, вам категорически запрещено распространяться о прохождении обучения и сокурсниках. Все, что узнаете и увидите в учебном центре, не предназначено для посторонних ушей. Отношение к контрольно-ревизионному дивизиону в других подразделениях неоднозначное, излишняя болтливость неминуемо осложнит вам следующие полгода службы.

На этом вступительная речь и закончилась, нашу пятерку отправили в учебную комнату. На первом уроке Денис Гаврилович рассказывал о принципах организации наружного наблюдения и способах выявления оно́го, а в качестве домашнего задания поручил при передвижениях по городу выбирать какой-либо предмет одежды и запоминать, сколько прохожих попадетя в таковом на пути. Потом он же преподавал технику ведения допросов, и вот там уже без практики не обошлось: нас разбили на пары и поручили обговорить, откуда мы знаем друг друга на случай встречи по службе или в свободное время, но при этом свести обмен личными сведениями к минимуму. И так — по кругу со всеми.

Вадим, Евгений, Кирилл, Елисей — имена сокурсников я запомнил, а вот их легенды пришлось на всякий случай законспектировать. Ну а дальше к нам присоединился господин в потертом твидовом пиджаке с заплатками на локтях, столь же потрепанных брюках и стоптанных туфлях. Да он и сам был какой-то побитый жизнью и невзрачный, с непримечательным лицом и тусклыми глазами.

Мои сокурсники с удивлением воззрились на незнакомца, а вот я мигом вскочил из-за парты и принял нечто близкое к стойке «смирно». Нет, видел этого господина впервые, уважение вызвал удерживаемый тем потенциал — на уровне первого или второго разряда, но предельно стабильный, вызывающий минимальные энергетические возмущения. Приближения оператора я попросту не ощутил.

— Да уж... — промолвил тот, оглядев поднявшихся вслед за мной курсантов. — Материал... — Он выставил на парту потрепанный кожаный портфель и разрешил: — Садитесь. — И сразу без какой-либо паузы начал вещать: — Основными отличительными признаками энергетических конструкций являются автономность, сложная структура, подразумевающая задействование различных типов энергии, и внешняя управляемость. Но главное — это автономность. По сути, два абсолютно идентичных воздействия могут различаться кардинально именно в силу наличия или отсутствия автономности.

Лектор развел руки в стороны и повернул их ладонями вверх, над ними тотчас заискрили две шаровых молнии размерами с крупное яблоко.

— Одинаковые, не так ли?

Никто не ответил, тогда оператор опустил руки, и левый сгусток энергии метнулся в сторону и моментально погас, в то время как правый продолжил тихонько жужжать и слепить глаза холодным электрическим блеском.

— Под автономностью следует понимать независимость не столько от внешней подпитки, сколько от умственных усилий оператора. Да, человеческий мозг способен одновременно решать сразу несколько задач, но всему есть предел. При работе с энергетическими конструкциями основную сложность вызывает структурирование воздействия, а дальше все упирается исключительно в мощность. Большую часть времени студенты тратят на освоение принципов придания конструкциям авто-

номности с последующим управлением на интуитивном уровне и подпиткой в фоновом режиме. Мы пойдем по иному пути. — Лектор вздохнул и погасил шаровую молнию. — Меня зовут Герман Харитонович, моя задача — обучить вас упрощенным принципам создания энергетических конструкций. Кинетический щит, который вы не сможете изменять и подпитывать сверхсилой после создания, все же лучше пули, которую схлопочете, пока будете осваивать полный академический курс. Итак, приступим!

Следующие сорок минут я конспектировал принципы управления и сочетания различных типов сверхэнергетического воздействия, заподозрил даже, что дают нам ту самую комбинаторику, о которой говорил Попович. Но только лишь теорией дело не ограничилось, после лекции мы спустились в подвал и под присмотром Германа Харитоновича приступили к попыткам создать кинетический щит в виде овала шириной полметра и высотой метр.

— Размеры — это важно! — заявил лектор. — Дело не только в расходе энергии, хотя это первое, что приходит на ум. Дело в затрачиваемом времени. Помимо того что преграда для снижения убойной силы пули нужна прямо сейчас, а не когда вы достаточно сосредоточитесь, дабы определиться с областью воздействия, следует разом вложить в экран всю отведенную на это сверхсилу. Не справитесь — придется создавать дополнительные слои с соответствующим ростом потерь энергии в единицу времени. Работа со структурами, которые можно подпитывать, для вас недоступна даже на теоретическом уровне, не говоря уже о неизбежных сложностях с поддержанием энергетических связей. И поскольку вы вкладываетесь полным объемом сверхсилы, следует заранее определиться с оптимальными габаритами экрана для прикрытия жизненно важных органов и четко этих габаритов придерживаться. В таком случае позиционирование воздействия во многом приобретет подсознательный механический характер. И на текущем этапе не пытайтесь создать полноценный щит, вкладывайте не больше пяти джоулей на квадратный сантиметр.

Двадцать пять килоджоулей — это пустяк, но на одном кратком выдохе размазать их по плоскости с габаритами полметра на метр оказалось не так уж и просто. Пусть меня и учи-

ли оперировать подобным образом с давлением, тут приходилось проделывать несравненно более кропотливую работу. От нас требовалось не только трансформировать сверхсилу в кинетическую энергию, но и придать ей вектор, противоположный теоретическому вектору пули для максимального гашения ее скорости.

Взмок, но так ничего и не вышло. Впрочем, не у меня одного.

— Упражняйтесь! — заявил Герман Харитонович, прежде чем нас покинуть. — К субботе жду от вас более внятных результатов.

Упражняться мы бросили сразу, как только за ним закрылась дверь. Попадали на лавки, принялись отдуваться.

— Внятных! — проворчал Вадим. — Студенты годами учатся, а нам за день освоить нужно!

Он махнул рукой и замолчал, тогда кто-то предложил устроить перекур, но ничего не вышло: за нами явился Денис Гаврилович. Как оказалось, пришло время идти в тир. Точнее, как раз идти никуда не возникло нужды, просто перебрались в соседнее помещение.

— Не стоит недооценивать огнестрельное оружие, только лишь потому, что умеете бить молниями. Огнестрельное оружие — это шанс выиграть на первых секундах столкновения. Огнестрельное оружие — это ваше преимущество в несколько мегаджоулей, которые противник бросит на создание кинетического экрана. Огнестрельное оружие — это инициатива. Вы сможете одновременно стрелять и оперировать сверхэнергией или заставить уйти противника в оборону. Но для этого нужны навыки.

Следующие полчаса мы выхватывали незаряженные пистолеты, вскидывали их и убирали обратно. Затем наставник по стрелковой подготовке продемонстрировал стрельбу от бедра.

— В этом случае возникают сложности с прицеливанием и пули обычно уходят выше, но, если выбор в том, успеете вы сделать выстрел или нет, такие вот ковбойские штучки становятся вполне оправданными, — заявил он и отправил нас снаряжать магазины.

Стрелковая галерея была на двадцать пять метров, там висело сразу пять мишеней, поэтому стреляли все одновремен-

но. Если б не танковый шлем, точно бы оглох, но и так в ушах звенело.

Сначала вели огонь прицельно, после отработывали стрельбу от бедра и новый прием, заключающийся в двух выстрелах за минимальный промежуток времени. Иногда наставник давал советы, поправлял стойки или хват, но результаты у меня были, прямо скажем, средние. Вернее — посредственные.

Ненавижу что-либо на время делать! Просто ненавижу!

Ладно хоть костюм на майку и трико догадался сменить, а то бы весь пороховой гарью провонял.

— Кирилл, Елисей, за мной, — распорядился по окончании занятия Денис Гаврилович. — Остальным надеть ватники.

Заведующий увел сокурсников, а мы остались в распоряжении наставника по стрелковой подготовке.

— Будем развивать технику закрытой руки, — заявил тот и продемонстрировал револьвер образца девяносто пятого года. — Пули заменены каучуковыми элементами, навеска пороха снижена, самое большее — останутся синяки. — Он прицелился в стену, утопил спусковой крючок, и после не столь уж громкого выстрела по комнате заскакал черный шарик. — От вас требуется успеть сконцентрировать сверхэнергию в месте попадания. В этом случае ранения избежать не получится, но будет снижена глубина раневого канала, что позволит предотвратить поражение внутренних органов. Надевайте защитные маски!

Вадим неуверенно взвесил в руке маску, куда более солидную, нежели те, что используют фехтовальщики, и спросил:

— Вы серьезно?

Наставник выстрелил ему в живот, и курсант со вскриком повалился на колени.

— Надевайте маски!

На этот раз глупых вопросов не последовало.

Не знаю, каким образом обучали технике закрытой руки остальных, а вот лично мне по сравнению с лупцеванием палкой или деревянным мечом выстрелы резиновыми пулями таким уж серьезным испытанием не показались. Все же ватники серьезно смягчали удары, и на пол я после попаданий не валился.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПРОВОКАЦИЯ	5
Часть вторая. ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ	205
<i>Эпилог</i>	398